

Ю.В. Иванова

СОЦИАЛЬНОЕ СТАРШИНСТВО В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ Б.Х. БГАЖНОКОВА)

В интересной и очень содержательной статье известного кавказского этнографа Б.Х. Бгажнокова «Старшинство в социальной организации адыгских народов» привлекает внимание четкое определение двух видов старшинства – физического и социального. Физическое старшинство индивида в любом сообществе предполагает естественное уважение к нему, поскольку старшие по возрасту люди – носители и хранители порядков, установленных в конкретном сообществе столь давно, что в понятиях его членов укоренилось представление о их постоянном, едва ли не извечном существовании, другими словами, порядок стал традицией. Безусловно, это относится в первую очередь к доиндустриальному обществу; чем ближе к эпохе развитого индустриального образа жизни, тем слабее традиции, в том числе и уважительное отношение к старшим по возрасту. Б.Х. Бгажноков пишет именно о традиционной культуре, прежде всего о культуре кавказских народов, в чьей среде традиции сохранялись в XX в. и не забыты до сих пор. Не случайно среди факторов долгожительства, столь характерного для населения горных зон Кавказа, не последнее место занимает почтение к возрасту, что придает старикам сознание своей востребованности среди окружающих, создает атмосферу психологического комфорта¹. В таких коллективах отношение к старшим по возрасту людям менялось по мере их физического старения: от уважения к сожалению о старческой немощи, от почтительности к стремлению помогать и оберегать. И то, и другое психологическое состояние естественно и присуще, очевидно, всем людям, поэтому Б.Х. Бгажноков, чтобы подчеркнуть его универсальность, прибегает к примерам из жизни народов, весьма далеких территориально от Кавказа, – японцев и китайцев. На Кавказе же особое уважение к старшим присуще не только местным народам: стоит вспомнить об обычаях, установившихся в среде русских старожилов Закавказья – сектантов. Даже в наше время молодые мужчины, имеющие собственные заработки и не зависящие ни в материальном, ни в бытовом плане от отцов, неукоснительно соблюдают установленные правила приличия: в присутствии старших не сидеть в непринужденных позах, не курить, не перебивать в разговоре и т.п.²

Правила этики и этикета, о которых уже не раз писал Б.Х. Бгажноков³, сформировались и сохранялись длительное время в условиях общинного быта. В этом смысле представляет интерес сравнение общественных отношений среди народов Кавказа и Закавказья и жителей горных районов Балканского п-ова, на этот факт нам уже не раз приходилось обращать внимание⁴.

Человеку всегда свойственно создавать свое видение мира. Сознание того, что он принадлежит к некоей общности психологически неизбежно. Исторически оправдана принадлежность человека на ранних ступенях человеческого бытия к группе родственников, а позже – к территориальной общине. Любое сообщество – будь то микромир семьи или мир значительного общественного объединения – в интересах поддержания своей жизнедеятельности нуждается в определенном порядке, внутреннем укладе, нарушение которого пагубно для всего сообщества. Поэтому беспорядок, хаос представляется людям как результат утраты управляющего начала; отсюда народные речения: серб. *куча без власника*, алб. *shtëpia pa zoti* (то и другое буквально означает «дом без хозяина», что можно сравнить с русским «без царя в голове»). Старшие люди уже по факту своего рождения обладали авторитетом среди сородичей, но они должны были постоянно поддерживать, оправдывать этот авторитет, подтверждать лидерство делами, сообразовываться с потребностью коллектива в упорядочении его жизни. Вот

в этом пункте и происходит «расщепление» старшинства на реальное – физическое и социальное – условное, знаковое. Потребность разрастающегося и усложняющегося коллектива в управлении, авторитете, лидерстве создает новый структурообразующий фактор – старейшество, перерождение просто «старших» в «знатных», в вождей. По мере усложнения общественной жизни, формирования в недрах общинной собственности частной, нарастания попыток отдельной личности высвободиться из-под власти коллектива лидерство стало принадлежать наиболее деятельным, авторитетным и амбициозным людям, на первый план выступал такой общественный фактор, как престиж – «...тот движущий импульс, тот стимул, который включает амбиции способных членов группы и побуждает их щедро отдавать группе все свои силы и материальные средства»⁵.

В лексике балканских народов перерождение реального старшинства в социальное отразилось в следующем феномене: традиционные термины сохранились, а содержание их изменилось и закрепилось в словарном составе. В русской лексике употребляются также понятия, как «староста», «старшина», «старший лейтенант», «старший научный сотрудник». В балканских языках имеются подобные понятия, например, по-гречески «сельский староста» – *δηροϋερωταζ*, где *δηροζ* – «народ, община», а *ερωταζ* – буквально «старик». На сербском глава семейной общины называется *старешино куче*. Особенно выразителен терминологический ряд в албанском языке: глава любой общины – семейной, родовой, сельской называется *plak* (бук. «старик»), совет старейшин – *pleqësi*, «советовать, управлять, направлять» передается через глагол *pleqëroj* или через существительное *pleqërim*.

Терминология социального старшинства основана на генеалогической системе родства, свойственной балканским народам. Отсюда проистекает «племенное» устройство общества. По утверждению авторов XIX–XX вв., общественные единицы, именуемые ими «племенами», были далеко не теми единицами, которые существовали в эпоху родоплеменного строя. Впрочем, пуганица в значительной степени проистекала из-за того, что в Черногории этим именем официально обозначались низшие административные единицы. Каждое *племе* (на сербском, болгарском и македонском языках), *fis* (на албанском), *φυλη* (на греческом) состояло из *братств* (на югославянских языках), *vllazeri*, *vllaznija* (алб.), *αδελφάτο*, *αδελφότητα* (греч.). Это были объединения более мелкого порядка, происхождение и внутреннее устройство которых основывались на более реальном родстве, чем в «племени».

Генеалогические предания о возникновении этих единиц весьма выразительны: они возводят его к одному «предку» – безусловно? мифическому персонажу. Обычная схема построения генеалогического повествования среди албанцев такова: жил-был «предок» (называется его имя), он прибыл в данную местность (чаще всего во время охоты в поисках раненого зверя и т.п.) и поселился здесь. Что было до его прихода, кто здесь жил, как правило, сказание игнорирует (иногда сообщается, что жили *anës* – «местные», со временем растворившиеся среди пришельцев). Предок имел столько-то сыновей, от каждого из них и пошел *fis* либо *vllaznija*, среди них главным считался старший сын предка, от этих сыновей в свою очередь образовались братства меньшего порядка, ими всеми командовал старший сын старшего сына предка, т.е. его внук, в следующем поколении – его правнук – старший сын его старшего внука и т.д. Так как в обыденном словоупотреблении понятие семьи (семейной общины) выражается зачастую словом «дом», то система старшинства так и формулируется – «старший сын старшего дома». В современной сложной системе черногорских племен и албанских *фисов*, которые считаются родственными между собой (в прошлые времена на ней основывались порядки брачной экзогамии), утратилось имя «предка» и его первых наследников. Легенда утверждает, что «первоначально» существовали 12 (сакраментальное число!) «старших *фисов*», от которых и пошли известные ныне⁶.

Старейшины (букв. «старцы»), возглавлявшие все семьи данного объединения (в древности родовой, а позже территориальной общины), собирались на сход для

решения наиболее важных внутренних дел. Их постановление было обязательным для выполнения всеми членами сообщества. Личность из коллектива не выделялась.

В период, когда обширные земли Балканского п-ва принадлежали Османской империи (с XV до второй половины XIX в.), турецкая администрация приспособлявала местные правовые нормы – как феодальное право, так и обычное – к своим целям непрямого управления завоеванными территориями, использовала общину как орган самоуправления прежде всего для взимания налогов. На албанских землях были учреждены территориальные единицы *байраки* (турец. *bajrak* – «знамя») с *байрактарами* во главе. Они были военными предводителями (возглавляли ополчение воинов своего байрака), а также обладали административными и судебными функциями. Не все они происходили из рядов старейшин, но все постепенно включились в социальный страт, обладавший определенной властью над соплеменниками и односельчанами. Пользуясь монопольным правом на участие в местных судах и советах, эти лица извлекали из своих обязанностей материальные выгоды (денежное вознаграждение от тяжущихся сторон, присвоение штрафов, взимаемых с провинившихся общинников, якобы в пользу общины и т.п.). При принесении коллективной клятвы-присяги, требуемой при разборе уголовных дел, голос одного старейшины приравнивался к голосам 12 простых соприсяжников⁷.

Старейшины родов, братств, сельских общин, предводители военных дружин, байрактары и состоявшие при них воеводы – все они именовались собирательным термином *parija*, что можно перевести как «первые», «лучшие». Этой категории противостояли рядовые сельчане, плебс, который именовался очень выразительно *djalnija* (букв. «молодежь») или *voglija* – «меньшие, младшие». Между «старшими» и «младшими» складывалась порой конфликтная ситуация, для разрешения которой создавалась особая общественная группа *sterpleqt* (букв. «подстарейшины»), которая противостояла «старцам», защищая интересы плебса⁸. Ее можно сравнить с сербским *сиромашиним вече*, что буквально означает «сход, совет бедноты».

Итак «старшие» – «младшие» – вот социальное противостояние, в котором потонуло в конце концов изначальное представление, что старшие люди – во всех отношениях лучшие люди.

Примечания

¹ Абхазское долгожителство. М., 1987. С. 25–26.

² Русские старожилы Закавказья: молokane и духоборцы. М., 1995. С. 254–255, 265; *Иванова Ю.В.* Особенности жизни в сельских общинах русских-сектантов Закавказья: традиции и инновации // Духоборцы и молokane в Закавказье. М., 1992. С. 31–32.

³ См., напр., *Бгажников К.Х.* Адыгейский этикет. Нальчик, 1978; *Он же.* Психология и техника коммуникативного поведения адыгов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. См. также: *Байбурич А.К., Топорков А.Н.* У истоков этикета: этнографические очерки. М., 1990.

⁴ *Иванова Ю.В.* Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 231–237; *Она же.* Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 139–153 и др.

⁵ *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений в средние века. М., 1982. С. 65. См. также: *Семенов Ю.И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 20–21.

⁶ *Иванова Ю.В.* Северная Албания. М., 1973. С. 65–73. См. также: *Богичић В.* Сборник садахних правних обичаја у Јужних Словена. Загреб, 1874; *Дучић С.* Живот и обичаји племена Куча. Београд, 1931. С. 127–133; *Паптелић Н.* Сродство и задруга // Гласник Етнографског музеја у Београду. Књ. XXVII. Београд, 1964. С. 369–383; *Пешић В.* Патриархални морал црногораца. Титоград, 1986. С. 101–105.

⁷ Памятники обычного права албанцев османского времени. М., 1994. С. 173–177, 186.

⁸ Там же. С. 187.

Commenting on the article of B.H. Bgzhnokov, the author draws comparative data from the peoples of the Balkans region. According to the author, social seniority has been formed there during the period of traditional communal order as reflected in the terminology: a community has been headed by «old men» (= elders), who were gradually transforming into a privileged group, put against commoners, who were named as «younger», or «junior».

© 2002 г., ЭО, № 4

Е.Т. Пушкарева

ОБРАЗЫ СЛОВА В ФОЛЬКЛОРЕ НЕНЦЕВ

Тема Слова – центральная в религиях всех народов мира без исключения. Это отражается в существовании мифов – священных рассказов, священных книг, сокровенных сказаний. Тема творческого Слова присутствует в фольклоре многих так называемых первобытных народов мира. В Тропической Африке восемь предков являются совершенными эманациями великого Номмо, воплощающего собою плодотворную воду дождей и мудрое слово¹.

О *лаханако*, о *хынабце* – персонифицированных образах слова, нарративе и персонаже мне уже приходилось писать², где я ссылалась на своих предшественников, заметивших это явление в фольклоре самодийских и других народов Севера и писавших о нем³. В недавно вышедшей «Ня "дурумы" туобтугуйся»⁴ также встречается этот прием. Тема Слова настолько актуальна для понимания картины мира фольклора самодийских народов, в частности ненецкого, что не претендуя на полноту ее освещения, хочется заострить на ней внимание.

В ненецком фольклоре существуют, по известным нам на сегодняшний день материалам, такие обозначения Слова: *вада хасово*, *вада-сюдбабц*, *сюдбабц*, *вада*, *лаханако*, *хынабц*, *мэнико/мынеко/мынико/мынику/ нянзьяда (нянchedo, няньтяда) мынико/мынику, ярабц-мынико, нгоб" лаханана*.

Вада хасово, вада, вада-сюдбабц, сюдбабц

Первое письменное свидетельство употребления слова *вада* относится к XVIII в. Первый цельный опубликованный текст ненецкого фольклора назывался «Вада хасово»⁵. Что значит *вада хасаво!* И. Фатер это перевел как «самоедская сказка», но по правилам ненецкого языка, такой перевод звучал бы как *хасово вада*, т.е. определение должно стоять перед определяемым, что можно перевести и как «ненецкий язык» (это имеет место в ненецком языке).

Мы полагаем, что кроме смысла, который уловил И. Фатер, существует по крайней мере два значения сочетания *вада хасаво*. Первое заложенное в сочетании *вада-сюдбабц (слово-песня)* значение – слово-ненец, т.е. слово, открытое ненцам, слово, посланное ненцам. И второе, на наш взгляд, наиболее важное – слово-человек, т.е. живое Слово, подразумевающее некий разум.

Слово *вада* в известных нам текстах встретилось один раз. В *сюдбабцарке* «Инггней парка нгысынду' ервота» («Носящий одежду из росомашьей шкуры является хозяином стойбища») в 21-м предложении *Тикавахана некоця вадам' ханангада*. («И тогда женщина повела повествование», букв. «слово»). Мне кажется, лучше перевести это предложение так: «И тогда женщина взяла Слово с собой». Женщина, о которой идет